

ИСТОРИЯ МУЗЕЕВ И МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

УДК 929Кондаков(069)

**МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.П. КОНДАКОВА
И ПРОЕКТ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
К 300-ЛЕТИЮ ДОМА РОМАНОВЫХ***В.Г. Ананьев***Аннотация**

Статья посвящена анализу музейной деятельности выдающегося русского ученого, искусствоведа, академика Никодима Павловича Кондакова – одного из самых известных представителей первой волны русской эмиграции в Чехословакии. Музеи занимали очень важное место в его научной работе, так как именно там хранилась значительная часть материальных источников, на которых основывались его научные изыскания. В центре внимания автора статьи – анализ обнаруженной в фонде ученого в Петербургском филиале Архива РАН докладной записки, написанной им директору Русского музея, великому князю Георгию Михайловичу, относительно проекта создания в 1913 г. нового музея – Музея к 300-летию дома Романовых. Возражения, высказанные Кондаковым против этого проекта, показывают его глубокое знание музейного дела рубежа XIX – XX вв.

Ключевые слова: Н.П. Кондаков, музей, музеология, архивные источники.

Имя Никодима Павловича Кондакова принадлежит к числу наиболее известных имен представителей русской эмиграции, связавших свою жизнь с Чехословакией. Его фигура, фактически вычеркнутая из российской науки на более чем полувековой срок, в последнее время привлекает внимание исследователей. Вводятся в научный оборот связанные с его деятельностью архивные материалы (причем как те, что хранятся в российский архивах, так и те, что уцелели в Праге) (см. [1, 2], о чешских материалах см. [3, 4]; из сборников, посвященных ученому, следует отметить [5, 6]), анализируются его научные взгляды (см. [7, 8]), восстанавливается облик той научной среды, к которой он принадлежал (см. [9, 10]). При этом отнюдь не все стороны его разноплановой научной деятельности оказываются освещенными в одинаковой мере. Как справедливо отметил Г.И. Вздорнов, «нас охватывает чувство некоторой растерянности, когда требуется уловить общее направление исследований Н.П. Кондакова: они поражают своей необозримостью, со всех сторон открывающимися перспективами, взаимными связями различных отделов, каждый из которых обретает подлинное значение только в том случае, если он берется не как нечто самостоятельное,

автохтонное и самоценное, а как часть целого, простирающегося, однако, на почти неоглядное время и еще более неоглядные пространства» [11, с. 236]. Вместе с тем с уверенностью можно сказать, что в основе этих «различных отделов» всегда лежит исторический источник. Именно пристальное внимание к источникам, блестящее знание источниковой базы и ее скрупулезный анализ и позволили Н.П. Кондакову стать «архистратигом русской национальной археологии». Недаром сформировавшийся вокруг него в Петербургском университете кружок молодых ученых получил название кружка «фактопоклонников» [12, с. 61–74; 13, с. 88–95]. И сама эта источниковая база была специфической – не меньшее значение, чем уже традиционные для российской исторической науки конца XIX в. письменные источники, имели для нее источники вещественные, памятники материальной культуры. Вспомним, что уже для магистерской диссертации Н.П. Кондаков в качестве темы выбрал конкретный памятник – памятник Гарпий из Малой Азии [11, с. 222]. Позже в сферу его внимания попадут миниатюры, предметы декоративно-прикладного искусства, иконы, орнаменты, стенопись и т. д.

Значительная часть этих памятников (особенно на тех землях Христианского Востока, которые входили в состав Османской империи) на рубеже XIX – XX вв. оставалась в положении *in situ*. Однако многие подверглись уже и музеефикации, нередко поменяв «место прописки» на адреса европейских музеев. Это естественным образом предопределило то важное место, которое занимали во время длительных зарубежных путешествий Н.П. Кондакова посещения музеев. Примечательно, что в архивном фонде ученого, хранящемся в Петербургском филиале Архива РАН, отложилось отдельное дело, содержащее многочисленные пропуска в европейские музеи и галереи: среди них, например, датированные 1914 г. билеты на бесплатное посещение музеев, галерей и исторических памятников Италии и Ватикана (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. № 72. Л. 17а, 19 и др.).

Неслучайно, что музейное дело занимало важное место и в профессиональной деятельности ученого. Самым известным примером может считаться его служба в Императорском Эрмитаже, событие, которое, по словам современного исследователя, «по существу, определило весь характер его научной деятельности до конца жизни» [14, с. 35]. 15 января 1888 г. Н.П. Кондаков был назначен старшим хранителем Эрмитажа и возглавил Отделение средних веков и Возрождения (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. № 131. Л. 2). Следует отметить, что само это отделение было организовано незадолго до этого, его вводили временные штаты 1885 г. [15, с. 218]. Естественно, что задачей нового хранителя становилось сложнейшее дело систематизации, когда «в помещении оказывались соединения самых разновременных, вполне разнохарактерных и не совместимых друг с другом предметов» [14, с. 36]. Н.П. Кондакову удалось с этим справиться и не только создать первую экспозицию отделения, но и составить подробный указатель отделения [16]. Как отмечал историк Эрмитажа В.Ф. Левинсон-Лессинг, то направление, которое исследователь придал работам отделения, продолжало сохраняться здесь и после его отставки, при его преемниках [15, с. 219].

Службу в Эрмитаже Кондаков оставил в 1893 г. Однако участие его в музейном строительстве продолжалось и после этого. Так, например, он со всей

активностью включился в подготовку Русского музея императора Александра III, принимал участие в обсуждении программы этнографического отделения, выступал за соби́рание в христианском отделении копий древних памятников, рекомендовал реставраторов, осматривал новые приобретения, готовил тексты для публикации, ратовал за создание фотоархива [17]. Последняя инициатива заслуживает особого внимания: ссылаясь на опыт европейских музеев и картинных галерей, Н.П. Кондаков одним из первых поставил вопрос о необходимости фотофиксации новгородских и псковских иконостасов и даже обязался «предоставить и список тех церквей, а также отчасти и самих икон, которые должны быть воспроизведены в точных снимках прежде других» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. № 134. Л. 2–3).

Ученый принимал участие и в подготовке ряда других музейных проектов. В 1896 г. Управление Музея изящных искусств имени императора Александра III просило его «благодаря руководству в подборе скульптурного материала и гипсовых слепков, какой, по Вашему мнению, было бы полезно и необходимо из периода Средних веков и эпохи Возрождения иметь». Предполагалось, что, «следуя этим указаниям», управление могло бы заблаговременно заказать за границей необходимый копийный материал, который был бы помещен в «два больших зала, каждый не менее 40 аршин в длину и 15 аршин в ширину», а также в «антикварий для сих эпох, размерами до 30 аршин длины» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. № 133. Л. 1–1 об.). Осенью 1900 г. Н.П. Кондаков был избран действительным членом Комитета по устройству этого музея (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. № 27. Л. 3). Еще раньше, в 1887 г., он стал почетным членом Ростовского музея церковных древностей (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. № 27. Л. 2).

Осенью 1913 г. исполняющий обязанности директора Эрмитажа Э.Э. Ленц пригласил Н.П. Кондакова принять участие в планируемом на 2–12 сентября в Эрмитаже совещании «начальников разных европейских музеев, всего до 55 человек, которые, состоя членами негласного “союза музеев” для противодействия торговле подделками художественных произведений и памятников старины», планировали ознакомиться с имеющимися в собрании петербургского музея подделками, «а равно обменяться мыслями по вопросам, касающимся способов борьбы с быстро развивающимся фальсификаторским промыслом» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. № 131. Л. 3).

Одним из наименее изученных сюжетов в «музейной» биографии Н.П. Кондакова является, вероятно, его участие в обсуждении проекта Национального музея к 300-летию дома Романовых, который и сам привлекал не слишком пристальное внимание историков. В фонде Н.П. Кондакова в Петербургском филиале архива РАН сохранилась докладная записка великому князю Георгию Михайловичу о проекте всероссийского народного музея в Москве (не ранее 13 марта 1913 г.) (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. № 139). Насколько мы можем судить, ранее она не вводилась в научный оборот, хотя содержит любопытные сведения, которые позволяют уточнить сущность музейных взглядов Н.П. Кондакова. Прежде чем перейти к ее анализу, скажем, однако, несколько слов о самом проекте так и не появившегося на свет Национального музея.

В 1913 г. в России отмечался трехсотлетний юбилей царствования дома Романовых. Программа торжеств отличалась размахом и включала практически

весь доступный государству арсенал пропагандистских мероприятий, призванных поддержать существующие сценарии власти: от выпуска серии юбилейных марок, с портретами правивших монархов, до устройства выставок. На открытии одной из таких выставок председатель Государственной Думы М.В. Родзянко и предложил «запечатлеть знаменательное событие» созданием музея, представляющего картину истории русской жизни в годы правления Романовых [18, с. 32]. 1 февраля 1913 г. Дума образовала особую комиссию для обсуждения мероприятий в связи с празднованием юбилея. 33 депутата внесли предложение создать в Москве – «колыбели царствующей династии» – всероссийский народный музей, который бы представлял «картину русской естественно-географической среды», «быта духовного и материального в развитии». Создавать этот музей планировали на базе Румянцевского, пристроив здание для размещения картинной галереи, кабинета графики и архитектурного отдела; также намеревались возвести дополнительное помещение на территории Александровского сада [19, с. 71–72]. Естественно, что против такого проекта выступили представители уже существующих музеев, близких по профилю к тому, что предлагали создать «верноподданнические музееведы»: в первую очередь, Российского исторического музея и Русского музея императора Александра III.

Товарищ председателя Исторического музея, князь Н.С. Щербатов в январе 1914 г. выступил с докладом, в котором аргументировал абсурдность создания нового музея за счет изъятия предметов из коллекций уже существующих музеев. Текст доклада был опубликован Н.А. Мальцевой [18, с. 36–41]. Она же отметила, что важную роль в том, что государство все-таки отказалось от непродуманного проекта, сыграло Особое совещание, которое было создано в качестве своеобразной конфликтной комиссии между сторонниками и противниками проекта по инициативе директора Русского музея, великого князя Георгия Михайловича [18, с. 33]. Возглавляя один из тех музеев, фонды которого должны были стать источником пополнения коллекции нового музея, Георгий Михайлович, естественно, не мог не относиться к этому проекту отрицательно. Вместе с тем архивные материалы, сохранившиеся в фонде Н.П. Кондакова, позволяют утверждать, что не последнюю роль в негативном отношении великого князя к новому проекту сыграла позиция ученого, изложенная им в специальной докладной записке, черновик которой сохранился в Петербургском филиале Архива РАН.

Как следует из текста записки, великий князь запросил мнение Кондакова о «возможности появления в России нескольких однородных собраний в Государственных музеях, организуемых параллельно в различных его центрах». Исходя из того, что дальше автор пишет, что о данном проекте ему известно только то, что было изложено в статье Н. Романова «Всероссийский Народный Музей в Москве» (Русское Слово, 13 марта 1913 г., № 60), можно утверждать, что речь идет именно о проекте создания Музея к 300-летию дома Романовых. Сама статья, отмечает Н.П. Кондаков, «носит видимый характер руководящего воззвания, направленного от лиц, наиболее близко стоящих к делу, с поручением воззвать ко всем, кому дорого дело всенародного просвещения, чтобы они приложили все силы, дабы пожелание Думы получило скорее форму законопроекта и чтобы в течение пяти лет возник самый Музей» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. № 139. Л. 1). И само воззвание, и его мотивировка вызывают, по мнению ученого,

«самые разнообразные сомнения». Отметим, что в первоначальном варианте было написано еще более жестко: «самую разностороннюю критику, которая, будь она только справедлива, не оставила бы без сурового порицания все руководящее введение данной статьи». После рукописной правки «суровые порицания», правда, были заменены на более нейтральное «не оставил бы без возражений» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. № 139. Л. 1 об.).

Сомнение ученого вызывало продекларированное в начале статьи «всенародно просветительное» значение будущего музея. Каким именно образом он должен был приобрести это значение, оставалось загадкой. Более того, само понятие «всенародного просветительства» также оказывалось под вопросом: имелись ли здесь в виду всего лишь специально устроенные при музее аудитории, в которых хранители и специально приглашенные лекторы должны были выступать перед собравшейся публикой? Если так, «то время подобной задачи настанет, очевидно, уже после того, как музей, хотя бы в некоторых частях, будет вполне оборудован, наполнен предметами, даст материал для чтений. Когда же это будет, можно судить по примеру Московского исторического музея, который при всем небывалом рвении своих организаторов, за 30 лет своего существования не совершил сполна своей задачи». Следовательно, эта предпосылка не может рассматриваться в качестве определяющей при принятии решения о создании музея. В одном из черновых вариантов текста, в итоге вычеркнутом, ученый уподобил все предисловие проекта «красивым словам, напоминающим мечты Манилова», за которыми прячется «крайне неясный смысл» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. № 139. Л. 1 об.).

Не меньшие возражения вызвала у Н.П. Кондакова и структура будущего музея, который в девяти отделах должен был «отражать все условия возникновения русской культуры и успехи русского государства и народа». Предполагалась следующая структура: 1) естественно-географический отдел – природа и естественные богатства России, 2) отдел древности и нумизматики и музей-часовня для предметов церковной старины, 3) этнографический отдел, как полная картина культуры России, 4) отдел сельского хозяйства, торговли и промышленности России, 5) отделы государственный, городской и земский, 6) отдел русского искусства и музыки, 7) отдел государственных и общественных деятелей, 8) рукописный, 9) библиотека. Для просветительной деятельности – аудитория, концертный зал, зал для выставок. Универсальность этой программы в начале XX в. выглядела уже совершенным анахронизмом, напоминая о самых первых попытках создания в России национального музея, относящихся к 1820–1830-м гг. Поэтому и приговор ученого был суров: программа «очевидно, составленная наскоро и “на случай” и ради получения возможно большего ассигнования» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. № 139. Л. 1 об.).

Проводя параллели с современным ему европейским опытом музейного строительства, Кондаков замечал, что «осуществление такой программы или поведет к устройству обычного всероссийского базара, или же эта программа должна быть введена в определенные границы, в которых затем выработаются и будут организованы отдельные части подобного музея». Первый вариант развития событий вызывал у ученого мысли о «несчастной» и «жалкой» судьбе «обычного базара»: «просуществовав некоторое время, возбудив излишнее любопытство

и совершенно не удовлетворив его, такой музей, как все базары, должен будет закрыться». Дело при этом, однако, будет заключаться не в том, что у музея не будет средств, а в том, что он «сразу будет никому не нужен и наполнится старым хламом», то есть в отсутствии научно обоснованной программы будущего музея. Любопытно отметить, что в качестве негативного примера Кондаков приводит самый, вероятно, удачливый из всех существовавших тогда в России подобных «стихийных» музеев – Румянцевский музей в Москве [20, с. 60–62]. В нем «вокруг библиотеки и собрания картин, были в свое время предприняты именно такие образовательные отделы, которые значатся в новой программе». Там были начаты: христианский музей («имевший печальную судьбу»), этнографический отдел («еще более неудачный»), отдел русских портретов («остановившийся на небольшом опыте») и т. д. (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. № 139. Л. 2). Может быть, несколько пристрастный в отдельных своих характеристиках, ученый в целом совершенно справедливо оценил вектор развития этого музея, направленный против магистральной линии развития музейного дела того времени. Подобная универсальность осталась в прошлом, будущее заключалось в дальнейшей специализации музеев.

В предлагаемом проекте специализация должна была ограничиваться рамками конкретных отделов, что значительно затруднило бы развитие нового учреждения. Естественноисторический отдел, для того чтобы стать «на уровень европейских собраний», потребовал бы отдельного музея, множества миллионов рублей на расходы и долгих лет на формирование коллекции. Отдел древностей и нумизматики, вероятно, планировался из материалов, уже имеющихся в Румянцевском музее. Желательно было бы, однако, оборудовать при музее «особый и обширный иконный отдел, весьма своевременный и существенно нужный для Москвы, а потому ограничиваться музеем-часовней было бы нецелесообразно». Вместо этнографического музея, уже создаваемого в Санкт-Петербурге как один из отделов Русского музея, гораздо вернее было бы «в будущем музее начать историко-этнографический отдел Московского царства, продолжая большое, ныне оставленное дело П.И. Щукина, и для этого принять этот музей, пока примкнувший к Историческому музею, в свои недра». Итог докладной записки был неутешительным – для проектирования предлагаемых отделов требовалось бы открыть несколько специальных обществ «для предварительной разработки всех вопросов того просветительного дела, какое указывается в записке и преследуется программой музея». А если учесть, что отделы русского искусства, рукописей и библиотека и так уже существуют в Москве при Румянцевском музее, осмысленность нового начинания кажется весьма сомнительной (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. № 139. Л. 2 об.).

Как видим, Н.П. Кондаковым была предложена развернутая и убедительная критика проекта нового музея, которая, вероятно, значительно поддержала негативное отношение, высказанное великим князем Георгием Михайловичем к этому плану, что, в итоге, и предопределило отказ от его осуществления. «Записка», сохранившаяся в фонде Кондакова, позволяет уточнить, кто был одним из основных «научных» критиков бюрократического плана.

Приведенные выше факты позволяют утверждать, что музейное дело занимало в научной деятельности Н.П. Кондакова рубежа XIX – XX вв. достаточно

важное место, причем не только с точки зрения профильных дисциплин (то есть использования музейных предметов в качестве исторических источников для исследований), но и с собственно музейной точки зрения: ученый принимал активное участие в разработке проектов новых музеев, выступал «научным консультантом» сановного директора Русского музея, хорошо знал европейский опыт в этой области. Его имя занимает важное место в череде имен тех, кто в начале XX в. создавал отечественную науку о музеях.

Summary

V.G. Ananiev. The Museum Activity of N.P. Kondakov and the Project of the National Museum Dedicated to the Tercentenary of the House of Romanov.

The article deals with the museum activity of the prominent Russian scientist, art critic, and academician Nicodim Pavlovich Kondakov, one of the most famous representatives of the first wave of Russian emigration to Czechoslovakia. Museums played a very important role in his scientific work, as there was kept a considerable part of material sources on which his scientific researches were based. We focus on the analysis of Kondakov's report addressed to the head of the Russian Museum Grand Duke Georgy Mikhailovich, concerning the creation of a new museum dedicated to the tercentenary of the House of Romanov. This report was found in the scientist's archives in the Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Kondakov's objections against this project show his deep knowledge of museology at the turn of the 20th century.

Key words: N.P. Kondakov, museum, museology, archival sources.

Источники

ПФА РАН (Петербургский филиал Архива РАН). Ф. 115. (Н.П. Кондакова). Оп. 3.

Литература

1. *Тункина И.В.* Н.П. Кондаков: Обзор личного фонда // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. – СПб.: Буланин, 1995. – С. 93–119.
2. *Тункина И.В.* Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. – СПб.: Буланин, 2004. – С. 641–765.
3. *Nikodim Pavlovič Kondakov (1844–1925): písemná pozůstalost / Zpracovala Lydie Kopecká a Marta Dandová.* – Praha: Literární archiv Památníku národního písemnictví v Praze, Slovanský ústav, 1995. – 23 с.
4. *Archeologický institut N.P. Kondakova 1925–1952. Inventář fondu / Zpracovala L. Kopecká.* – Praha: Ústav dějin umění AV ČR, 1999. – 66 с.
5. *Никодим Павлович Кондаков. 1844–1925. Личность, научное наследие, архив.* – СПб.: Palace Editions, 2001. – 166 с.
6. *Мир Кондакова. Публикации, статьи, каталог выставки / Ред.-сост. И.Л. Кызласова.* – М.: Рус. путь, 2004. – 390 с.
7. *Кызласова И.Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России. (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 183 с.

8. *Зорина А.А.* Византийское наследие в искусстве Средневековой Руси. Отечественная историография второй половины XIX – начала XX веков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 188 с.
9. *Кызласова И.Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси: 1920–1930-е годы: По материалам архивов. – М.: Изд-во Акад. горных наук, 2000. – 439 с.
10. *Басаргина Е.Ю.* Археологический институт им. Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. – СПб.: Буланин, 2004. – С. 766–811.
11. *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. – М.: Искусство, 1986. – 384 с.
12. *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 332 с.
13. *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. – СПб.: Нестор-история, 2010. – 316 с.
14. *Савина С.Г.* Никодим Павлович Кондаков // Византиноведение в Эрмитаже. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1991. – С. 31–40.
15. *Левинсон-Лессинг В.Ф.* История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). – Л.: Искусство, 1985. – 407 с.
16. *Степанова Т.В.* Систематизация Н.П. Кондаковым коллекций отделения средних веков и эпохи возрождения Императорского Эрмитажа // Кондаковские чтения – I. Проблемы культурной преемственности. Материалы междунар. науч. конф. – Белгород, 2005. – С. 24–26.
17. *Соловьева И.Д.* Н.П. Кондаков и Русский музей императора Александра III // Никодим Павлович Кондаков. 1844–1925. Личность, научное наследие, архив. – СПб.: Palace Editions, 2001. – С. 5–7.
18. *Мальцева Н.А.* Российский Исторический музей и вопрос об учреждении национального музея им. 300-летия Дома Романовых // Труды Гос. ист. музея. – М., 1995. – Вып. 87. – С. 30–41.
19. *Каспаринская С.А.* Музеи России и влияние государственной политики на их развитие (XVIII – начало XX в.) // Музеи и власть. – М.: НИИ Культуры, 1991. – Ч. 1. – С. 8–95.
20. *Ананьев В.Г.* К написанию истории отечественного музейного дела: Некоторые мысли в связи с новой книгой // Музей. – 2011. – № 1. – С. 59–62.

Поступила в редакцию
21.09.11

Ананьев Виталий Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: wostokzap@newmail.ru